

АЛЕКСАНДР ЛЕВИН
ЕВГЕНИЙ ДОСЫЧЕВ

ДЕБАЖИТЬ

ЖИЗНЬ

16+

Евгений Досычев Александр Левин Дебажить Жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38836803

SelfPub; 2018

Аннотация

В 1992 году я случайно обнаружил, что десятилетний сын моего знакомого обладает совершенно невероятными способностями. На протяжении многих лет я пытался узнать о нем больше и найти объяснение этой аномалии. И вот, перед вами – эта история. Тяжело подобрать слова, чтобы ее описать. Фантастическая. Загадочная. Необъяснимая. Эта история ставит под сомнение всё, что современная наука знает о человеке, жизни и времени. Вы, наверное, спросите, о чём же конкретно речь? Извините, но если я скажу ещё хотя бы одно слово, вы не сможете вместе со мной пройти тот путь, который я прошёл за эти годы. Прочтите этот текст. Думаю, вы не пожалеете.

Содержание

1. Маленькая Швейцария	4
2. Пицца	12
3. Квартира на бульваре Бен-Гуриона	22
4. Объявление в «Новостях Недели»	30
5. Первое интервью	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

1. Маленькая Швейцария

Май 1992 года

Меня зовут Александр Левин. Я не писатель, не журналист, не учился в гуманитарном вузе. Я даже редко пишу что-то длиннее СМС. Поэтому прошу не осуждать меня за стиль, лексикон и грамматические ошибки.

Я довольно долго сомневался перед тем, как начать выступать этот текст на клавиатуре, но в какой-то момент понял,

что просто обязан рассказать эту мозг-выносящую историю. Не проходит и дня без того, чтобы я не думал о ней, не пытался её понять и как-то проанализировать.

Начать, наверное, стоит с небольшого экскурса в историю. В конце 80-х стал рушиться железный занавес, и многие граждане СССР, имеющие какие-то зацепки за рубежом, хлынули из страны. Еврейские корни с папиной стороны дали мне возможность попытаться уехать в Израиль. И наконец, в 1991 году, преодолев многие трудности, мне с семьёй удалось это сделать.

Описывать переезд не буду, поскольку уверен, что другие уже рассказали о похожем опыте намного лучше. Месяц мы пробыли в городе Нетания, а потом переехали в Хайфу, где жил мой одноклассник Руслан Ривман. Я очень благодарен Руслану за то, что он здорово помог мне в первое время со всем необходимым и познакомил со своими друзьями. Именно на его дне рождения началась та история, которую я собираюсь вам рассказать. Дело было в живописном местечке под названием Маленькая Швейцария – небольшом леске в горах рядом с Хайфой. Ничто не предвещало, что именно этот пикник так повлияет на мою жизнь.

На дне рождения собралась очень веселая компания из недавно прибывших из Союза ребят. Было, наверное, человек десять взрослых и несколько детей. Все говорили о трудностях эмиграции, ругали хозяев съёмных квартир и обсуж-

дали ситуацию в «совке». Мы сидели за деревянными столиками в тени сосен и низких средиземноморских дубов. На мангале жарилась курица, бутылки водки «Кеглевич» потели, солнце медленно приближалось к горизонту, а мы ели хумус, красную капусту в майонезе и питы – ближневосточные лепешки.

На этом же дне рождения я в первый раз увидел Женю. Внешне он выглядел вполне обычным мальчиком лет десяти. Его отца Андрея, очень весёлого дядьку, я уже однажды встречал, когда мы вместе помогали Руслану перевезти диван.

Я почему-то обратил внимание на то, как Женя разговаривал с другим мелким по имени Павлик. Они стояли в нескольких метрах от меня, и насколько я понял говорили о WWF. Это такие зрелищные постановочные бои на ринге, которые были популярны в 90х.

– Ты смотришь WWF? – спросил Павлик.

– Нет. Не люблю такие шоу. Кроме того, у нас нет кабельного.

– Что? – не понял Павлик.

– Ну, ты где реслинг смотришь?

– По телевизору.

– Это ясно, – усмехнулся Женя – Но как вы иностранные каналы ловите?

– Не знаю. Папа сделал.

– У вас тарелка, наверное, – задумчиво сказал Женя.

У меня что-то спросили, и я немного отвлекся от разговора. Вскоре я снова прислушался. Говорил Павлик:

– А почему ты решил, что в WWF не по-настоящему дерутся?

– Ну... Блин, это так очевидно, что я даже не знаю, с чего начать. Сразу видно, что это цирк! Для сравнения посмотри тайский бокс или кикбоксинг. Почувствуешь разницу.

Тут я решил вмешаться и спросил Женю:

– Ты говорил про «кабельное». Это кабельное телевидение?

– Да, – ответил Женя, – сейчас его по всей стране проводят. Может, видели – пол-Хайфы перекопали.

– Что-то не замечал, – признался я – А что лучше, кабель или тарелка?

– Кабель, конечно. Но он намного дороже обойдется. Тарелку вы покупаете, устанавливаете, и больше никому ничего не должны. А за кабель нужно будет каждый месяц платить.

Я начал спрашивать Женю про телевидение, поскольку в то время до Израиля доходило крайне мало новостей из России, в которой творилось чёрт знает что. Я беспокоился, и мне не хватало русскоязычных каналов, чтобы быть в курсе происходящего.

– А русские каналы и через кабель, и с помощью тарелки можно смотреть? – спросил я.

– Не уверен, – покачал головой Женя. – Можно узнать.

Думаю, они в любом случае скоро появятся. Тут же такая зрительская аудитория!

Наш разговор прервался из-за разлитой на стол бутылки сока. Пока я помогал устранять последствия, Женя отошёл. В этом коротком разговоре не было, по сути, ничего необычного, но что-то не давало мне покоя. Моей дочке исполнилось 11 лет, и я привык говорить с детьми этого возраста. Но здесь я как будто чувствовал: что-то не так. Женя невероятно чётко выражал свои мысли. И вообще, его подача информации не соответствовала возрасту. Я хотел до конца пикника ещё поговорить с ним, но он почти всё время играл в бадминтон.

Начинало смеркаться. Две пары уехали, а те, кто остался, начали быстро собирать вещи и мусор. Девушка по имени Нелли предложила сварить кофе. Уже с кофе мы сели на старые одеяла у костра. Нелли рассказала смешную историю, как она месяц мылась жидким мылом, и только вчера узнала, что это кондиционер для волос. Кто-то еще рассказал, что ел кошачьи консервы, поскольку на этикетке не было кошки, а только текст на иврите.

Потом Андрей, отец Жени, попросил сына:

– Можешь рассказать этот анекдот, который ты вчера рассказывал?

– Какой? – спросил Женя.

– Про еврея в Одессе.

– А... значит, молодой еврей в Одессе идёт к местному

раввину и говорит ему: «Вы знаете, у вас тут в Одессе много красивых девушек. Мне можно на них смотреть?» Раввин отвечает: «Да, можно». Тогда парень спрашивает: «А если они на пляже в одном купальнике, можно смотреть?» Раввин говорит: «Можно». Парень: «А если они вообще без купальника?» Раввин: «Тоже можно». Парень тогда удивился и спрашивает: «А есть вещи, на которые нельзя смотреть еврею?» Раввин говорит: «Есть». Парень такой: «Какие, например?» Раввин: «Например, электросварка».

Остальные чуть похихикали, но меня анекдот не рассмешил, а скорее ввел в ещё больший ступор. Я только лишний раз подметил ту несвойственную детям чёткость, на которую обратил внимания пару часов назад. Этот мальчик не просто заучил текст – он именно рассказывал.

Я и Нелли ехали домой с Русланом на его «Фиате 127 75ps». Нелли была очень приятной и общительной девушкой. По дороге мы о многом говорили и даже обменялись телефонами. Я решил расспросить ее о Жене.

– Ты заметила, что сын Андрея очень... необычный?

– Да, он смешной! Он говорит так серьёзно, как дети в «Ералаше»...

Я усмехнулся. Действительно.

– Мы еще с Ленинграда знакомы, – добавила Нелли. – Очень приятная семья.

Я не знал, что еще спросить, и некоторое время мы ехали

молча, смотря на рестораны и кафешки улицы Мория.

– Вот, кстати, про «Гербалайф» есть одна история, – вдруг сказал Руслан. – Слышал вообще про «Гербалайф»?

– Что-то слышал...

– У Наташи Беккер, которая была на пикнике, есть муж Лёша. Он пригласил нас всех на какое-то мероприятие в зале «Бейтейну». Пришли я, Вика и Андрей с сыном. Мы вообще не догадывались, о чем пойдет речь. Через минут пятнадцать после начала презентации, когда наконец они сказали «Гербалайф», этот Женя встает и давай кричать, что-то про «пирамиду» и «лохотрон». Представляешь? Там серьезный кипишь был. А потом они с отцом ушли. Это было, конечно, очень странно и неожиданно. Я думаю, Лёша как раз поэтому сегодня не приехал на шашлыки.

«Интересный случай», – подумал я.

Руслан меня высадил в моём районе – Шаар-Алия. Уставший и пропахший костром, я поплёлся в нашу съёмную квартиру, где уже спала больная дочка, из-за которой, кстати, жена не поехала на день рождения.

Через пару недель после этого мы с семьёй, Русланом и Нелли договаривались пойти на море. Я попросил Руслана позвать Андрея и Женю: хотел с ними поближе познакомиться. Оказалось, что они полетели в Англию (!). Я очень удивился. Сейчас поездка в Англию не является чем-то из ряда вон выходящим, но в то время среди эмигрантов это

было редкостью. Экономили каждую копейку, а если уж лезли за границу, то в СНГ к родственникам, ну или максимум брали дешёвый тур в Турцию.

С Женей у меня всё-таки получилось встретиться, но чуть позже, и об этом расскажу в следующей главе.

2. Пицца

Сентябрь 1992 года

В сентябре мне позвонил Руслан. Тогда до меня было тяжело дозвониться, поскольку я начал работать и практически не бывал дома.

– Андрея выписали из больницы, – сообщил он. – Хочешь сходить навестить его?

– Ой! А что с ним? – удивился я.

Я и не знал, что он в больнице.

– Оперировали. Что-то с почками. Давай зайдём. Нелли тоже вроде придёт.

На следующий день после работы я приехал к Андрею, как сейчас помню, на 44-м автобусе. Он жил на улице Алия, возле больницы Рамбам, в небольшой двухкомнатной квартире на четвёртом этаже.

Я позвонил в дверь и, услышав «Открыто!», зашёл. Андрей был дома один, он лежал на диване и читал газету. Ни Руслана, ни Нелли ещё не было: видимо, они опаздывали. Я поинтересовался здоровьем Андрея. Он ответил, что всё в порядке и что потихоньку приходит в себя. Я пошутил про то, как удобно, когда больница через дорогу, но оказалось, что Андрей лежал вообще в другом госпитале, который на-

ходился далеко. Повисла пауза, во время которой я осмотрелся.

Это была обычная «эмигрантская» квартира. В комнате стояли старый диван, журнальный столик, и так называемые «сохнутувские» стол со стульями – гарнитур, который государство выдавало репатриантам, прибывшим в Израиль. Телевизора не было, но на обеденном столе стояли аж два компьютера.

– Ты занимаешься чем-то, связанным с компьютерами? – поинтересовался я.

– Я не волшебник, я только учусь, – с улыбкой сказал Андрей. – Мы с Женей учимся.

– Здорово. Он, я вижу, способный.

– Да, наверное.

– А сколько ему лет? – решил уточнить я.

– Десять.

– Десять?! Фантастика. Он учится в особой школе?

– Нет, в обычной. – пожал плечами Андрей.

Наш разговор прервал дверной звонок. Вошла Нелли, держа в руках огромную коробку с пиццей. Она была в коротком платье, которое не скрывало ее красивые загорелые ноги, а в её ушах были большие яркие дискообразные сережки. Не буду скрывать – она мне нравилась.

Мы сели на диван, а коробку поставили на журнальный столик. В тот вечер я впервые попробовал настоящую пиццу. Не какую-то хренотень с сыром, которую моя жена готовила

ещё в Москве и называла «пищей», а настоящую, итальянскую, тоненькую, с грибами и маслинами. Это, господа, было великолепно! До сих пор мне кажется, что это была самая вкусная пицца в моей жизни.

– Руслан, наверное, не придет, – сообщила Нелли. – У него что-то там на работе.

Потом Нелли поинтересовалась, как дела у Веры. Как я понял, это была жена Андрея и мама Жени. Вера находилась в Питере, и пока не собиралась к ним ехать. Я не до конца понял, какие между ними были отношения. Но на этом разговор о Вере прекратился и как-то плавно перешёл к тому, кто где жил в Союзе, и т. д. Я рассказывал про себя, про сестру, про свою жену и дочку.

Пришёл Женя, весь красный и потный, сказал, что был на пробежке, и взял последний кусок пиццы, на который, если честно, я очень рассчитывал. Нелли принялась расспрашивать его о том, как дела в школе. Женя на всё отвечал «нормально».

Потом Андрей указал взглядом на меня:

– У Саши сестра живет в коммуналке в центре Москвы. У нее там 50 «квадратов».

– Мммм... классно, – медленно протянул Женя.

Было видно, что он хотел ещё что-то добавить, но промолчал. Мне, если честно, всё это показалось очень странным. Почему Андрей упомянул именно этот факт? Причём он это сказал так, как будто эта информация должна была

очень сильно заинтересовать его сына. Почему? Почему он так подчеркнул эти детали? Нелли вызвалась сделать всем чай и пошла на кухню. Я ещё думал о предыдущем диалоге, когда Женя спросил:

– Чем вы занимаетесь?

– На курсах учусь. В ульпан хожу.

(Ульпан, это такая специальная государственная школа по изучению иврита)

– Понятно. – кивнул Женя – А в Союзе чем занимались?

– Был программистом.

– Да?! – я видел, насколько Женя был удивлён и заинтересован. После небольшой паузы он спросил: – На чём пишете?

«НА ЧЁМ ПИШЕТЕ?» И это от десятилетнего пацана!

Где он набрался такого жаргона?

– На фортране раньше писал. Сейчас вот учусь на системного администратора. Shell Script и всякое такое.

– Круть.

– Что? – не понял я.

– Ну, круто. Здорово.

Мы немного помолчали.

– Мы тут с папой тоже кое-что планируем, – Женя показал взглядом на компьютеры, – но пока сталкиваемся с огромным количеством трудностей.

Я не смог скрыть улыбку. Это было забавно: так серьёзно и по-взрослому Женя говорил. Нелли вернулась с четырьмя кружками чая. Все молча пытались вытащить заварочные

пакетики и куда-то их пристроить.

– А что именно вы планируете? – спросил я, глядя то на Андрея, то на Женю.

Андрей, поморщившись, выдал что-то вроде:

– Пока мы только думаем...

А Женя, подумав, сказал:

– Да... наверное, пока рано о чём-то конкретном говорить. Но мир меняется. И появляются много возможностей.

Он прямо так и сказал! Я прекрасно это помню. У меня просто не было слов. Я не мог понять, что за чёрт вселился в этого ребёнка?

После чая Женя сел играть с Нелей в какую-то игру на компьютере, а Андрей повёл меня на крытый балкон, чтобы показать пару вещей, которые ему были не нужны.

– Когда я на перевозках работаю, многие оставляют мне ненужные вещи, – объяснил он. – Если что-то нужно, бери. А то уже ставить некуда.

На балконе стояли несколько стульев один на другом, огромная лампа, табуретка, старый письменный стол и ещё какие-то полочки и вешалки. На столе лежали целая пачка газет и очень много вырезок разного формата. Потом мой взгляд привлекла картонка, видимо, крышка от коробки конфет, на которой жирным чёрным фломастером было написано «МЕНЯ УБИЛИ ВОЗЛЕ ЗЕЛЕННОЙ ДВЕРИ» и был нарисован крест. Что это значит? Зачем нужна эта картонка? Зачем нужна была эта картонка? У меня пробежали му-

рашки по спине: я вспомнил, что в деревенском доме моей бабушки была зеленая дверь.

Я выбрал табуретку. Хорошую такую, настоящую, деревянную.

– Возьми стол, – предложил Андрей, – я тебе его даже привезу.

– Пока не надо, – ответил я. – Вот куплю квартиру – тогда может понадобится.

– Думаешь покупать?

– Да.

– Любопытно, – сказал Андрей.

Он присел на «мою» табуретку, задумчиво оглядывая балкон, а потом добавил:

– У меня есть к тебе вопрос... нескромный, интимного характера. Я, наверное, тебе завтра позвоню по этому поводу. Есть одна интересная идея.

Я сказал, что без проблем. Мы вернулись в комнату. Женя играл на компьютере, а мы сели на диван и ещё около получаса разговаривали про Ельцина, реформы Гайдара и другие новости. Когда Нелли и я уже собрались уходить, снизу раздался приглушённый крик и топот. Все замерли.

– У нас тут на третьем этаже сумасшедшая живёт. По вечерам шумит, – объяснил Женя.

Мы прислушались. Этажом ниже всё ещё бегали и кричали.

– Я тут одну штуку придумал, – усмехнулся Андрей, от-

крыв ящик с инструментами.

Он достал топор и привязал к нему верёвку.

– Пойдёмте все на кухню, – позвал он.

Андрей подошёл к кухонному окну и стал медленно спускать топор вниз. Когда топор опустился на уровень третьего этажа, мы услышали что-то типа «Ох!» и быстрый бег вглубь квартиры. Мы все от смеха просто еле стояли, хотя шутка было довольно злая: представьте, каково и так психически нездоровому человеку увидеть ночью в окне качающийся топор.

Домой я ушёл с подаренной табуреткой в руках. Нести её было ужасно неудобно, но позже табуретка оказалась очень даже кстати, потому что в маршрутке не было свободных мест, и я сидел на ней всю дорогу.

Утром Андрей позвонил мне прямо в офис. Видимо, жена дала ему номер.

– Прости великодушно, что отвлекаю от работы... Хотел поговорить с тобой о квартирных, так сказать, делах. Как я понял, ты подумываешь о покупке. Хочу с тобой поделиться одним интереснейшим предложением. Есть пара минут?

Я ответил, что есть.

– Продаётся трехкомнатная квартира на углу Амегиним и Бен-Гуриона. Представляешь примерно? Самый угловой дом. Добротный. Еще немецкой постройки. Владелец просит за нее 50 тысяч долларов. Я думаю, что цена честная.

Но! Дело даже не в квартире. Нам удалось узнать, что весь дом скоро будут реставрировать, или полностью перестраивать. Он будет частью большого проекта по реконструкции бульвара Бен-Гуриона. Хотят превратить бульвар в туристическую и развлекательную зону. Там будут магазины, рестораны, и так далее.

– И дадут компенсацию? – перебил я.

– Не могу сказать по поводу компенсации, но так или иначе, цены бешено подскочат.

– А откуда ты знаешь про то, что там планируется?

– В этом вся соль! Эту информацию тяжело достать. Пока почти никто не знает, и поэтому надо срочно покупать. «Промедление смерти подобно». Я не могу взять ссуду, потому что официально не работаю. Хотел тебе предложить.

Мне было кое-что непонятно. Я спросил:

– Ну, предположим, я её куплю. А что дальше?

– Продадим её после того, как цена взлетит. Поделим прибыль пополам.

– То есть 50 процентов тебе? – мне показалось, что это нереально много.

– Ну да... Не 50 процентов от цены, а от чистой прибыли.

– Да, но риск получается на мне...

– Думаю, что мы не особо рискуем. Как говорили у нас на корабле, «не так страшен черт, как его малютки». Квартира будет сдаваться и тем самым окупать ссуду. Мы оба будем ремонтировать, искать жильцов и всё прочее.

Я подумал, что Андрей недостаточно хорошо знает людей. Среди «наших» эмигрантов никто не согласился бы вот так просто купить квартиру. Наверное, тут стоит пояснить, что в то время, а может и сейчас, покупка жилья была проектом чуть ли не всей жизни. «Продажа в рабство», как некоторые говорили.

– Тут риска буквально самая малость, – добавил Андрей, видимо, заметив, что я настроен скептически. – Даже если бульвар не будут реконструировать, в любом случае у тебя будет неплохая квартира. В таком деле проиграть невозможно. А если всё пойдёт по плану, то можно получить чистыми, не много не мало, пару десятков тысяч долларов. Где ещё такое встретишь?

Я твёрдо знал, что ни в какую авантюру, связанную с покупкой квартиры, лезть не хочу. В незнакомой стране я панически боялся что-либо подписывать, брать какие-либо обязательства и вообще пытался избежать приключений. Но, тем не менее, возможно из вежливости, я зачем-то пообещал Андрею сходить посмотреть эту квартиру в пятницу утром. В конце нашей беседы Андрей спросил, есть ли у меня какая-нибудь сумма для задатка или первого взноса. Я на всякий случай сказал, что на нуле, и денег вообще нет. Смешно, что буквально в тот же вечер я купил для Тани, моей теперь уже бывшей жены, дорожный микрофон и неплохой японский диктофон. Она преподавала английский и хотела записывать свои собственные аудиоуроки. Я упомянул покупку

диктофона ещё по одной причине: именно на нём записаны некоторые интервью из тех, которые я привожу далее в этом повествовании.

3. Квартира на бульваре Бен-Гуриона

Октябрь 1992 года

Просмотр квартиры на Бен-Гуриона пару раз откладывался по разным причинам, но наконец в начале октября мы выбрали её посмотреть. Это был ужасно жаркий и душный день. В воздухе висела пыль, поднятая горячим сухим ветром – хамсином. Я приехал на место на любимом 44-м автобусе. Нас было четверо: я, Андрей, Женя и мужик по имени Коби. Сначала я думал, что Коби – хозяин квартиры, но оказалось, что он был просто соседом Андрея. Он был «сабром» – коренным израильтянином, и, естественно, русского не знал. Андрей сказал, что пригласил его потому, что хотел знать мнение кого-то местного. Я сразу заметил, что Женя говорил с Коби по-английски.

В квартире никто не жил, и она выглядела довольно уныло. В ней были три большие комнаты, кухня и отдельный санузел. Ванная была в очень плохом состоянии, а в двух из трех комнат было довольно шумно, поскольку прямо мимо окон проезжали автобусы. Единственный плюс, который я для себя подметил, – это небольшой задний дворик, в котором валялся строительный мусор, но при желании двор мож-

но было привести в порядок. Однако лично я жить в этой квартире, наверное, всё-таки не хотел. В гостиной стояли несколько стульев, на которые мы сели после осмотра квартиры. Выходить на пекло не хотелось. В приоткрытое окно к нам зашел серый потрёпанный кот, и лег на свободный стул. Женя с сильным акцентом, но вполне уверенно спросил у Коби:

– What do you think?

Коби достал сигарету, закурил, и ответил на иврите, что тут нужен серьёзный ремонт.

– Саша, а какие у тебя впечатления? – спросил меня Андрей.

– Мне не особо понравилось, – признался я – Но, если купить, чтобы продать... не знаю.

Женя встал и нервно зашагал по комнате.

– Пап, нормально, если я расскажу Саше всю схему?

Андрей развел руками.

– У нас появился более интересный план. Это нам как раз маклер подкинул. Сейчас попробую объяснить.

Я не знал, как реагировать, и действительно приложил усилие, чтобы вести себя, как будто всё нормально. Женя сел на тумбочку и продолжил:

– Есть такая должность – оценщик квартир. Они обычно частники. Оценщик определяет стоимость квартиры, и на основании этой цены банк даёт ссуду. Банки не всегда обращаются к оценщикам. Они это делают, когда квартира

необычная или цена кажется подозрительной. У того маклера, с которым папа познакомился, есть «свой» оценщик, который за небольшое вознаграждение может завысить цену на квартиру, и таким образом, мы получим большую ссуду.

Последний ход я не понял.

– Зачем нам нужна большая ссуда? – спросил я.

– Условия ссуды довольно хорошие, и выгодно взять как можно больше. Эти деньги можно вложить ещё куда-то. Я тебе потом расскажу.

Тут я окончательно решил, что мне нужно выяснить, что происходит. Творилось что-то непонятное. Мне было тяжело подбирать слова, но я всё-таки спросил:

– Ребята... Извините, что задаю этот вопрос, но... Женя, тебе десять лет. Почему ты этим занимаешься?

Все молчали. Был слышен только гул машин на улице. Ни Женя, ни Андрей никаких эмоций не выражали. Коби, который, естественно, не понимал, о чём мы говорили, курил и гладил кота. Все, включая животное, пристально смотрели на меня. Наконец Женя заговорил:

– Я пока не могу ответить на этот вопрос. Давай сначала подпишем договор на квартиру, и контракт между нами. Адвокат тут в пяти минутах ходьбы. Пройдемся?

На меня давили! И это давление ввело меня в некое паническое состояние. В добавок к этому, от меня еще что-то скрывали, что тоже было неприятно. Всё происходящее показалось мне каким-то адским спектаклем – настоящей бул-

гаковщиной. Если бы кот заговорил, я бы совсем не удивился.

– А что за контракт между нами? – вспомнил я.

– Это те условия, которые мы обговаривали. – подключился к разговору Андрей – Там все очень просто. Ты читал «Швейка» Ярослава Гашека? Там есть изумительный момент про контракт...

Я хотел сбежать как можно скорее, и чтобы от меня все отстали. К счастью, я догадался сказать, что должен подумать денёк. Андрей дал мне два листика, отпечатанные бледным точечным принтером. Документ был составлен на русском и иврите. Мы попрощались, и я пошёл к остановке автобуса.

Дома я попытался разложить всё по полочкам. Даже если не обращать внимания на все странности, связанные с Женей, к авантюре с квартирой возникало много вопросов.

Возможно ли сдать эту квартиру в аренду? Чтобы люди смогли там жить, требовался серьёзный ремонт, а это дополнительные деньги. Действительно ли она вырастет в цене? Андрей так и не объяснил, откуда он знает про тот самый большой проект. А без него квартирка не похожа на хороший вклад. И вдобавок, вся эта махинация с оценщиком выглядит уж очень подозрительно. Стоит ли в неё ввязываться?

Мы договорились, что я дам ответ на следующий день. Но, если честно, я струсил. Чтобы не тянуть и не мучать себя, я позвонил Андрею в тот же вечер, но никто не брал трубку.

Только в десять вечера я дозвонился и вежливо отказался от всей затеи. На той стороне провода было слышно искреннее разочарование. Но сильно давить или пытаться меня переубедить Андрей не стал. Сказал только, чтобы я сразу сообщил, если вдруг передумаю.

На следующий день я был так погружён в мысли обо всей этой истории, что вместо того, чтобы выбросить мусор в бак во дворе, припёрся с ним на работу.

После того как мои переживания по поводу квартиры отошли на второй план, я начал анализировать то, что я, собственно, увидел. Десятилетний ребенок, который говорил совсем как взрослый, много чего знал, решал вопросы на равных с отцом, – что бы это могло быть?

Первое, что я предположил, – Женя был просто вундеркиндом, то есть очень одаренным ребенком. Но что-то не сходилось. Такие дети обычно все-таки ведут себя как дети, просто очень быстро осваивают какую-то сферу, типа шахмат или математики. Женя, как я понял, увлекается программированием, но его необычность заключалась совсем не в этом.

Вдруг меня посетила ошеломляющая догадка, от которой аж голова закружилась. Было очевидно, что Женя говорил не как ребёнок, мыслил не как ребёнок и вёл себя совсем по-другому. Значит, он был намного старше, чем выглядел! И такое, в принципе, могло быть. Я не эксперт, но, по-мое-

му, есть такие редкие заболевания и гормональные сбои, при которых ребёнок, достигнув определенного возраста, внешне не развивается или развивается очень медленно. Это теория всё ставила на свои места. Я попробовал расписать свои мысли по пунктам.

(1) Андрей был уже немолод. Я думаю, что ему было за полтинник. Так что вполне возможно, что его сыну около двадцати лет. А то и больше.

(2) Кроме того, я начал вспоминать, как Андрей говорил с сыном. И действительно, это было похоже на то, как говорят со взрослым: на равных.

(3) Видимо, переезд в Израиль помог Жене каким-то образом сфальсифицировать свой возраст и по документам стать опять ребёнком.

Я рассказал обо всей истории и своих догадках моей жене Тане, которая была учительницей. У неё был большой опыт работы с детьми, и мне было интересно послушать её мнение. Она сказала, что о таких случаях не слышала.

– И кроме того, зачем ему притворяться ребёнком? – спросила Таня.

– Пока не знаю. Может, просто чтобы чувствовать себя комфортно. Представь себе: тебе по документам, скажем, двадцать лет, а выглядишь на десять.

Таня пожала плечами, и как мне показалось, не особо заинтересовалась.

Своей гипотезой я поделился также с Русланом. Я не стал

ему рассказывать абсолютно всё, что со мной происходило, просто предположил, что у Жени мог быть некий синдром замедленного физического развития. Руслан только удивился и не понял, почему вдруг я так решил. Меня это очень расстроило. Неужели только я это замечаю? Но Руслану я не особо доверял в таком вопросе: у него не было детей, и, возможно, он не чувствовал разницы.

Меня продолжала интриговать вся эта история с Женей и квартирой. Мне было ужасно любопытно, сумели ли они её купить и чем вообще занимаются. Но так получилось, что сначала не мог до них дозвониться, потом навалилась куча всяких дел и проблем, а после этого уже прошло порядочно времени, и было неудобно звонить. Так или иначе, я не видел Досычевых два года.

4. Объявление в «Новостях Недели»

Август 1994 года

В конце лета 1994 года фирма, в которой я работал, стала стремительно сокращать сотрудников. Я был помощником системного администратора, и мне казалось, что скоро сократят и меня, поэтому начал подыскивать другие варианты. В одну из пятниц я купил все газеты с «досками объявлений», которые только мог найти. Сначала открыл русскоязычную газету «Новости Недели». Начал просматривать раздел «Требуются». Первое предложение, которое меня заинтересовало, выглядело так:

**В молодую и перспективную фирму
требуются программисты.**

Знание иврита не обязательно.

04-512684

По номеру телефона было сразу видно, что это в Хайфе. Я позвонил. Ответил уставший мужской голос. Я сказал, что звоню по объявлению. Меня начали спрашивать, откуда я и где работал. И вдруг я понял, что говорю с Андреем! Когда я ему сказал, что это Саша Левин, друг Руслана, Андрей заметно обрадовался.

– Приходи, – сказал он, – к нам. Мы пока ещё обитаем в нашей старой квартире на Бат Галиме. Скоро переезжаем.

Мир все-таки тесен. А русскоязычные эмигранты в Израиле – это вообще маленькая деревня.

Я пришёл тем же вечером. Причём пришёл буквально, пешком. Автобусы в пятницу вечером в Израиле не ходят, а на маршрутку было жалко денег. Шагая вдоль шоссе, я вспоминал историю про квартиру на Бен-Гурион, и пытался выкинуть из головы тот неприятный осадок, который после нее остался. “Какие, однако, энергичные люди” – размышлял я – “то квартиры, сейчас – программирование”.

Дойдя наконец до нужного дома, я поднялся на четвёртый этаж и оказался в уже знакомой мне двухкомнатной квартире, где царил сплошной хаос. Прихожая была вся заставлена коробками и большими «челночными» сумками. В гостиной, где когда-то стоял диван, теперь было целых три стола с компами. На столах и на полу валялись кучи книг и бумаг. Несмотря на вечернее время, было ужасно душно. Все окна были открыты нараспашку. Дома были три человека: Андрей, который с отвёрткой в руках разбирал письменный стол, Женя и незнакомый мне смуглый мальчик лет пятнадцати. Он представился, но я тогда как-то не уловил его имени. Потом узнал, что его зовут Отабек. Я бы удивился, если бы кто-то мне сказал, что этот щуплый мальчик будет вскоре чуть ли не кормить всю нашу семью.

– Вот так и живём, – Андрей обвел рукой комнату.

– Почему переезжаете?

– Хозяйке квартиры не понравилось, что мы устроили тут офис, и она попросила съехать. Теперь, если не будет каких-то ЧП, переедем в нижний город. Вчера вроде нашли квартирку. Там будем жить и работать.

Буквально через минуту после того, как я зашёл, Отабек взял свой рюкзак и направился к выходу:

– Всё, давай, Дося, я погнал!

Я до этого не знал, что Женю называют Дося – это было очень смешно! Такой маленький и серьёзный – ну вылитый Дося! Мы сели за одним из столов. Женя принёс из кухни колы, и мы выпили по стаканчику.

– Я по объявлению! – улыбнулся я.

Я смотрел на Андрея, поскольку ждал, что в основном буду общаться с ним, но говорить начал Женя. Вначале, он спросил слышал ли я про Интернет, и потом сказал, что они хотят создать несколько сайтов-сервисов в интернете. Он употреблял много технических терминов. Упомянул протоколы, сервисы, серверы и тот факт, что сейчас самое время начинать пахать, чтобы к выходу скриптовых языков быть полностью готовыми.

Пока Женя говорил, я пристально смотрел на него и пытался понять действительно ли он был взрослым, который выглядел как ребёнок? Он явно подросток с тех пор, как я его видел. Но вопрос, насколько?

Андрей тоже подключился к разговору. Он рассказал, что он сам совсем недавно занялся Интернетом, и что это очень увлекательно. Кроме того, он сообщил что с ними уже работает еще какой-то парень, со смешной фамилией Склянка. Вдруг Женя посмотрел на часы и закричал:

– Ой-ой-ой! Уже семь часов! Слушай, Саша, хочешь прогуляться? У нас с папой подработка: мы закрываем ворота стоянки каждый вечер. За 5 шекелей в день. Надо сходить. А по дороге я расскажу, что мы хотим сделать в первую очередь.

Я согласился, мы спустились на улицу и пошли в сторону так называемого «Спокойного берега». Андрей остался дома. Стоял замечательный летний вечер. С моря дул тёплый бриз. На деревьях чирикали армии воробьёв. Было тихо и безлюдно.

– Так вот, – продолжил Женя, – мы хотим сделать сайт объявлений о купле-продаже. Простой и функциональный. Но всё должно быть выполнено на очень высоком уровне. Простой приятный дизайн. База данных. Поиск. Отличный user experience. Бизнес-модель простая: если хочешь продвигнуть свое объявление в поиске или разместить большое объявление – платишь небольшую сумму. Более или менее понятно?

– Да, – кивнул я, – всё ясно.

Хотя ясно не было ничего. Несмотря на то что я только что закончил курс системных администраторов и в общих

чертах понимал, что такое Интернет, всё равно совершенно не представлял то, что описывал Дося. Мы закрыли ворота стоянки и направились обратно. Я решил, что сейчас самое подходящее время для моего главного вопроса, который я хотел задать с самого начала.

– Женя, – сказал я, – я с удовольствием с вами поработаю. Мне нужно будет немного подучиться, но я думаю, что справлюсь. Но перед этим, если можно, я задам один вопрос...

– Да, конечно...

– У меня такое ощущение, что тебе намного больше лет, чем ты выглядишь. Это так?

Я пристально смотрел на Женю. Повисла пауза: я понял, что попал в яблочко. Женя то ли улыбнулся, то ли поморщился:

– Да... ну, наверное, можно сказать, что да.

Во мне сразу вспыхнула целая куча разных эмоций.

Во-первых, я подумал: «Ни хрена себе! Вот это да!» Во-вторых, я почувствовал сильное облегчение. Всё встало на свои места. А то я уже начал подозревать, что схожу с ума.

– Можешь... рассказать о себе?..

– Я не особо люблю об этом говорить. Давай в другой раз про меня, а сейчас по поводу работы закроем...

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться, и мы начали «закрывать» про работу. Решили, что увольняться мне пока не стоит, и мы начнем понемногу работать вечера-

ми и на выходных. Мы договорились, что мне будут платить 12 шекелей в час, что было чуть больше моего текущего заработка в фирме. Женя пообещал, что зарплата будет расти в соответствии с успехами нашей небольшой компании. Потом он попросил разрешения задать несколько технических вопросов. Я согласился, и мы сели на детской площадке. Ситуация была сюрреалистичная. Уже стемнело. Ярко светила луна. В малюсеньком детском домике мальчик задавал здоровому мужику вопросы про алгоритмы.

К сожалению, не помню точно эти вопросы. Они были очень разнообразные и совсем непростые. Я не знаю, откуда Женя их взял, но вряд ли он придумал их сам. Часть была про HTTP/IP. На них я вообще не знал, как ответить. Положа руку на сердце, скажу, что чувствовал себя немного униженным. Меня тестировал 12-летний мальчик! Мне тогда было 38 лет, и я со второго курса института работал с компьютерами.

В конце Женя сказал:

– Давай зайдём домой, я дам тебе пару книг...

Мы опять попёрлись на улицу Алия, 15. Андрей в это время уже спал в трусах на раскладушке. Женя дал мне книгу Горностаева «Международная компьютерная сеть Интернет» и папку с распечатанным текстом, на которой было написано «HTML».

– Ну всё, – сказал он. – С моей стороны скажу, что я был бы рад с тобой сотрудничать. Так что если ты тоже, то начини

читать материал, мы пока переедем, а потом приступим к работе.

Я окинул взглядом комнату. Увидел вентилятор, который был прикручен скотчем к стулу и дул на один из компьютеров, старые полотенца, развешанные в углу, грязную посуду на полу.

– Давай попробуем, – ответил я.

Уже на пороге я напомнил о том, что он обещал рассказать свою историю.

– В следующий раз, – сказал он.

На этом мы расстались. Я поплёлся к остановке маршруток, размышляя, стоит с ними работать или нет. Скажу честно, Женя меня не убедил. Всё казалось мне какой-то несерьёзной авантюрой. Я ужасно долго ждал маршрутку и кое-как добрался до дома.

В субботу днем мы с женой мыли лестницу в подъезде. Была наша очередь.

Во время уборки я рассказал о вчерашнем откровении Жени.

– Я хочу, чтобы он мне рассказал про свою жизнь. Должно быть очень интересно, – закончил я.

– Возьми мой диктофон и запиши разговор на плёнку, – подсказала Таня. – Я тоже хочу послушать.

Я бы, наверное, не додумался записывать Женю, поэтому благодарен Тане за этот ценнейший совет. В тот же день ве-

чером я позвонил Досычевым. Ответил Женя. Я сказал, что мы хотим пригласить его в гости на ужин. Чтобы лучше познакомиться. Вот такая элегантная и не напрягающая формулировочка. Женя с радостью согласился.

– У нас тут переезд, – сказал он, – вообще ничего не пригодишь. Мы всё уже упаковали.

Договорились на следующий день.

Женя приехал один, в красивой, но мятой рубашке и принёс... вино!

– Не знал, что принести, – сказал он. – В конце концов купил красное вино. Хорошо, что в Израиле несовершеннолетним можно алкоголь покупать.

Мы сели за стол. Я, Таня, Дося и моя дочка Инна. Инка вообще не понимала, что происходит, потому что жена сказала ей, что придет «друг папы». За столом доча не давала мне говорить с Женей, поскольку сама без конца спрашивала у него про разных ребят. Как оказалось, многие дети, которые ходили с Инной на кружок русского языка, учились в Жениной школе.

После ужина я попросил оставить нас вдвоём. Мы сели в гостиной. Женя спросил, читаю ли я книгу, которую он дал мне в пятницу. Я сказал, что не успел начать, но с завтрашнего дня возьмусь серьёзно.

– Ты обещал рассказать свою историю. – напомнил я – Мне очень интересно.

Женя слегка улыбнулся. Потом вздохнул.

– Ну давай, – сказал он.

И он стал рассказывать.

Сразу.

Без подготовки.

Он просто говорил, а у меня волосы на руках встали дыбом.

Минут через пять я вспомнил про магнитофон.

– Я вот тут подумал, что было бы здорово записать это на диктофон. Как интервью.

– Ого! – вырвалось у Жени.

Пока я готовил микрофон, боковым зрением заметил, что Женя немного растерялся. Он сказал что-то вроде: «Наверное, всё-таки не стоит это записывать». Я спросил, чего он боится, а он ответил, что знает «некоторые вещи, за которые вполне могут убить». Было ощущение, что если его сейчас же не успокоить, интервью накроется.

– Жень, – предложил я, – давай так: запишем интервью, а я с ним ничего делать не буду. Просто будет очень жалко, если впоследствии запись понадобится, а её не окажется. Нужно записать в любом случае.

Он ничего не ответил, но сел обратно в кресло и вроде как был готов говорить. Я включил диктофон.

5. Первое интервью

26 августа 1994 года

(Интервью с Женей Досычевым. Вопросы задаёт Александр Левин – выделены жирным шрифтом).

– **Запись пошла. Давай начнём сначала.**

– Скажи дату, наверное. Какое сегодня число? Двадцать какое-то...

– **26 августа 1994 года. 21 час 17 минут.**

– Да, ещё хочу сказать, что не разрешаю пользоваться записью без моего письменного согласия.

– **Да. И без моего! (Смеётся.)**

– Меня зовут Евгений Досычев. Мне 12 лет. Я родился в Ленинграде 22 июля 1982 года. Вот... со мной произошёл необычный случай, о котором, как я понимаю, ты хочешь, чтобы я рассказал. Значит, 4 ноября 1991 года у меня внезапно появились воспоминания о моей жизни до 2014 года.

– **Что значит «появились воспоминания»?**

– Я могу попытаться объяснить по-другому, только это покажется слишком фантастическим.

– **Это и так довольно необычно.**

– Ну, если по-другому, то я прожил жизнь почти до тридцати двух лет, а потом внезапно оказался опять восьмилет-

ним. И я помню довольно много из того, что со мной было в «той», как бы «прошлой» жизни. Так понятнее?

– **Да... Выходит, что ты вернулся в прошлое. Но... как это произошло?**

– Это вот папа тоже у меня каждый раз спрашивает. И я, если честно, не знаю, как именно это произошло. Даже примерно не помню. Наверное, самая близкая аналогия – это сон. То, как люди засыпают. Мы, когда засыпаем, обычно же не помним точное мгновение, когда это происходит. Так тут было что-то похожее. Я совершенно не помню того момента, когда меня швырнуло назад во времени. Даже дня не помню. Но я точно помню тот момент, когда я оказался в возрасте восьми лет. Ну, по аналогии со сном – когда я проснулся.

– **И как ты «проснулся»?**

– Лежал на диване у мамы. В смысле, в той же квартире, где я и жил. Мне было очень плохо. Жужжало в ушах, темнело в глазах, болела голова, и вообще я был «никакой». Дня три отходил. Я сначала родителям не рассказал, что произошло. Сказал просто, что болею.

– **А они заметили что-то?**

– Да. Заметили, что что-то не то. Очень испугались. Мама вся белая ходила. Говорили, что я странно себя веду. Странно говорю. Отцу я всё довольно быстро рассказал. Через пару дней.

– **И как он отреагировал?**

– Хуже, чем я думал. (Смеётся.) Мне казалось, что папа

сразу поймёт. Но он, конечно, чуть не спятил там. Причём я это очень аккуратно преподносил. Не так, как мы сейчас говорим. Но потом он понял, поверил. И это очень важно. Папа действительно сильно мне помогает. Поддерживает. Советуется со мной. (Смеётся.)

– А мама? Вера, да? Я её, кстати, так и не видел ни разу...

– Ну, мама – хуже. Я думаю, она до сих пор не верит в мою историю и считает, что у меня психическое заболевание. Бабушка тоже, со стороны мамы.

– А ты многим рассказывал?

– Не очень многим. Сейчас вообще никому не рассказываю. Никому. Кругом много дебилов. Лучше такое не афишировать.

– А твоя «прошлая» жизнь отличается от этой, «нынешней»?

– Конечно. Я-же меняю реальность вокруг себя. То есть получается, что мир уже не такой, как был. Мы уехали из России, например. Уже всё в корне поменялось. Не только у меня, но и у моих друзей. А глобально, в мире, вроде всё так же. Пока не видел чего-то, что явно отличалось бы.

– Так ты знаешь, что произойдет в будущем?

– Если всё будет идти так же, то да.

– Ну, например?

– Вот про это я категорически не хочу говорить. Если какой-то факт будет широко известен, тогда... хм... непонят-

но... Может, это событие случится по-другому, и тогда весь последующий ход истории тоже поменяется. «Эффект бабочки»... Слышал о таком? Нет? Ну,不重要.

– Так как ты хочешь использовать то, что ты знаешь?

– Просто хочу прожить интересную жизнь. Моя предыдущая была так себе. В этот раз хочу пожить намного лучше.

– А как сложилась твоя, как ты говоришь, «предыдущая» жизнь?

– Ну, не знаю даже, как ответить. Тебе подробно?

– Очень бы хотелось подробно, но боюсь, что плёнки не хватит.

– В общих чертах – я жил в Питере. С 16 лет работал программистом. Нигде толком не учился. Два раза был женат. У нас была дочка. Всё было как у всех. Ничто не предвещало того, что произойдёт. Последнее, что помню отчетливо, – это свадьбу в Комарово 1 июня 2014-го. Мы тогда в Сестрорецке жили. А потом – даже не знаю. Думаю, это случилось когда-то в период с 4-го по 8 июня. У моей жены день рождения 12 июня, и мы думали лететь в Екатеринбург. До этого я точно не дожил. Думаю, запомнил бы. Мы долго планировали этот день рождения. Это её юбилей был. Тридцатник.

– Понятно. Вот ты сказал сейчас «не дожил», и я подумал, может ли такое быть, что ты...

– ...умер? Я много думал об этом. Да. Может быть.

На этом моменте я даже не знал, что спросить. Чтобы немного собраться с мыслями, я выключил диктофон. Чуть перемотал назад и нажал Play. Записалось хорошо. Я перемотал в конец и включил опять.

– А у тебя есть какие-то доказательства твоей истории? Я тебе верю, конечно. Но если другие не поверят?

– Что значит «другие»?

– Ну, учёные если не поверят.

– Какие ещё учёные? Я вообще не хочу, чтобы мне верили и знали про то, что со мной было.

– Ты не хочешь, чтобы об этом знали? Это же надо как-то исследовать, мне кажется. Это же невероятно! И ты можешь стать знаменитым...

– Я думаю, нормальные учёные не станут этим заниматься. Но в любом случае я очень не хочу такого внимания. Короче говоря, есть масса причин, по которым я предпочитаю держать всё в тайне. Я просто хочу использовать то, что я помню, чтобы улучшить жизнь. Себе и близким. Дебажить жизнь...

– Что это значит?

– Дебажить? Ну, ты же знаешь! Когда нужно исправить ошибки в программе, и ты по ней проходишь строчка за строчкой. От английского «debug».

– А... (Смеётся.) У нас это называлось «дебагиро-

вать». Ну, да. Понял.

– Вот. Так я дебагирую то, что могу. Вот папу, надеюсь, спас. Для этого приехали в Израиль. Пото...

– Это ты решил ехать в Израиль?

– Ну, я не решил – предложил. Я знал, что у папы всё плохо с почками, да и не только с ними. Надо было срочно что-то делать. Мы могли уехать в Израиль по еврейской линии. Решили ехать. Тогда, кстати, с Нелей познакомились. Ну, что я тебе рассказываю? Ты через то же самое прошёл. Здесь папу прооперировали. Ещё предстоит долгое лечение, но надеюсь, что он уже вне опасности.

– Я боюсь спросить... Но всё же... Что было с папой в той жизни?

– Ну, сам понимаешь, что... Очень долго мучился... И умер в 95-м.

– Ужас. То есть в следующем году?!..

– Да. В марте.

– А что ты ещё сделал, учитывая, что ты знаешь будущее?..

– Ну... Пока немного. Я знал, что в России будет приватизация, и поэтому посоветовал моей маме поменять комнаты в коммуналке на отдельную квартиру и приватизировать её. Потому что в «той» жизни мы сильно просчитались с этой приватизацией. Наши соседи по коммуналке подсуетились, и в результате мы продали свои две комнаты за бесценок. И с дачей примерно то же самое получилось.

– Кстати, про квартиру. Что с той квартирой, которую вы... мы... хотели купить?

– Купили.

– Да? Как?

– Купил Фима. Знаешь его? С ним Неля тоже знакома.

– Нет, вроде не знаю.

– На этого Фиму и купили. Там ещё длинная история была. Мы не делали ту сложную «многоходовку», о которой я тебе рассказывал. Хозяин квартиры оказался какой-то сволочью невероятной. Когда уже сели подписывать договор, решил повисить цену на 5 тысяч долларов. Потом ещё Фиме ссуду не хотели давать, потому что он тогда ещё недостаточное время работал. И вообще, он очень странный мужик. Ходит в свитере круглый год. Причем в одном и том же. Даже летом. Жалко, что мы с ним связались. В конце всё же выбили мы эту ссуду. Оформили. Ну вот, как-то так.

– И что теперь?

– Ничего. Полгода не могли её сдать. Вот только с января сдали. Жильцы, конечно, не особо приятные, но ничего не поделаешь. Ждём не дождёмся, когда начнется «движуха». Вроде как проект обсуждается. Всё идет по плану...

– Минутку... А откуда ты узнал о том, что там что-то будут строить?

– Тут, в Хайфе, у меня родственники. В «той» жизни я был в Израиле два раза в гостях. Одно из мест, которое точно запомнилось, – это как раз «Немецкая колония». Там была

довольно приятная прогулочная зона с кафешками, ресторанами, ещё какими-то интересностями. Я конкретно помню вот как раз этот угловой дом. Мы там были в ресторане. Когда уже в «этой жизни» приехали в Хайфу, мы пошли туда, а там – ничего. Ну вот. У меня сначала и в мыслях не было что-то такое делать, но папа там проезжал на автобусе и увидел на доме вывеску о продаже квартиры. Ну тут мы и начали думать.

То есть это, можно сказать, случайно произошло. Наш первоначальный план был в Питере квартиру купить, пока они доступные ещё. Проблема в том, что цены растут очень быстро. Мы никак не можем их догнать. Только соберём нужную сумму, как оказывается, что её уже не хватает. Мы в сентябре летим в Питер. Будем покупать. Очень переживаю на этот счёт...

– Так это очень скоро!

– Да... Сейчас с этим переездом закончим – и сразу в Питер. Билеты как раз становятся дешевле после каникул.

– А на сколько летите?

– Не знаю пока. Когда всё сделаем – вернёмся.

– Я думал, мы в Интернете работать будем...

– Будем работать, конечно! До твоего отъезда мы тебе наладим environment, пропишем задачи, и будешь писать самостоятельно из дома. СклЯнка так работает. Отабек тебе поможет влиться. Кстати, может, отец без меня полетит. Я думаю, что я там не особо нужен. Это всё-таки не Англия.

– **А что с Англией?**

– Ну, мы были два раза в Лондоне. Ставки делали. Там мой английский пригодился... Не то чтобы у меня хороший английский, но намного лучше, чем у папы.

– **Ты сказал «ставки делали»?**

– Да. Мы делали ставки на футбол. На «Евро 92» и сейчас на чемпионат мира.

– **Ого... Минутку! Стоп!**

Я выключил диктофон. Перевернул кассету. Не хотел, чтобы запись прервалась. Я предложил чаю, Женя согласился. Уже с чаем мы продолжили.

– **Так что там со ставками на футбол?**

– Ничего. (Смеётся.) Делали ставки.

– **На кого?**

– «Евро 92». Подробнее рассказать? Хорошо... Значит... В «той» жизни я смотрел финал «Евро 92» и помнил, что Дания обыграет Германию и станет чемпионом Европы. Я, кстати, не был на 100% уверен, что в этой жизни Дания выиграет. Иди знай! В любом случае решили рискнуть. Такого шанса больше не будет! Я не так много футбольных результатов помню. А этот помню. Причём тут же была сенсация! Данию взяли на «Евро» в последний момент вместо Югославии, и никто не ожидал, что она выиграет! В Израиле ставки на спорт запрещены, поэтому мы отправились в Лондон.

Взяли все деньги, которые смогли достать. Занимали у кого только могли. Но всё равно получилось не так уж много: 2000 фунтов примерно.

– А почему в Лондон?

– Я просто понятия не имел, где можно удобно ставить на спорт. И узнать не у кого. Кто-то сказал, что в Англии точно можно. К тому же в Англии с языком удобней. Решили туда. Вот. Ходили по городу – искали букмекеров, ставили деньги. Если честно, мы с отцом очень много ошибок тогда сделали. Неопытные были. Сейчас, навер...

– Какие ошибки?

– Ох... Ну, думаю, что надо было сразу все деньги поставить на победу Дании в турнире, и всё. В William Hill давали вроде 18 к 1. То есть могли бы взять 36 000 фунтов. Но мы побоялись: во-первых, боялись, что в конце Дания не выиграет. Хотели посмотреть первые матчи, чтобы быть более уверенными. Ну и, конечно, было страшно, что нас вычислят. Заподозрят. Мы ставили маленькие суммы у нескольких разных букмекеров. Потом оказалось, что это глупости! Там такие деньги крутятся, что нас бы просто не заметили. Помню, один русский мужик после ничьей СНГ с Германией поставил какую-то бешеную сумму на победу Шотландии над СНГ. Просто несколько пачек денег. И СНГ проиграли 0:3. Интересно, кто это был?.. Короче, до начала чемпионата мы поставили только 400 фунтов.

Начался турнир. Дания сыграла вничью с Англией. Потом

проиграла шведам. И тогда, чтобы не вылететь с турнира, Дании надо было выиграть у Франции. Если бы мой отец ещё не был седым, он, наверное, поседел бы.

Понимаешь ситуацию? Мы назанимали почти 4000 долларов, и Дания вот-вот вылетит с «Евро». А я не знал результаты матчей. Вообще. Так что не мог сказать, идёт ли всё «по плану» или нет. Мы жили в маленькой гостинице в Гринвиче. Там как раз был внизу бар с теликом. И вот – игра с Францией! Её как раз показывали. Такие эмоции я вряд ли когда-нибудь испытывал! Дания выиграла 2:1! Потом поставили отдельно на полуфинал и, конечно, на финал.

– И сколько вы заработали?

– Грубо говоря, мы увезли из Туманного Альбиона 12 000 фунтов, а привезли чуть больше 2000... Нет, вру! 2400. Если учитывать все расходы – то, наверное, 8000 фунтов чистыми сделали. Неплохо, но, конечно, могло быть намного лучше.

– Интересно! А после этого?

– Вот сейчас на чемпионате мира по футболу опять ставили. Мы снова полетели в Лондон с папой, и мама тоже прилетела из Питера. На самом деле можно было и не в Лондон лететь... Но мне так понравилось в прошлый раз, что хотелось вернуться. Проблема в том, что нужно было там быть во время всего чемпионата для того, чтобы поставить до начала и забрать деньги после финала. То есть мы там были больше месяца. Мы вернулись только 22 июля, в мой день рождения. Это вышло очень дорого. И кроме того, опять, как и в 1992-

м, я не помнил результатов игр, кроме самого чемпиона... Ой! Там, кстати, чуть не случилась вообще адская история. Если хочешь, останови запись, потому что она может быть не особо важна... Не будешь выключать?.. Ладно... Так вот...

Я всё время говорил папе, что Италия выиграет. Я отлично помню, как мы в «той» жизни всем двором болели за Италию. Роберто Баджо. Джузеппе Симеоне. Помню, как они еле из группы вышли. Я почему-то явно помню, что они стали чемпионами!

И вот. Мы в Лондоне, на Виктория Стрит, стоим в очереди... ну, как очередь – три-четыре человека, – чтобы поставить 1000 фунтов на победу Италии на чемпионате. Помоему, давали 11 к 2... Как раз когда очередь доходит до нас, я весь аж похолодел! Я вдруг вспомнил, как Баджо промазал свой пенальти в серии послематчевых пенальти против Бразилии. Я вспомнил, как во дворе стебали за это Валеру, потому что он у нас был «Баджо». Я вспомнил, что Италия проиграла! Папа уже достал деньги и дал бланк дядьке за прилавком... Тут я охрипшим голосом говорю: «No! We will bet for Brazil!» У папы глаза чуть из орбит не вышли. Я говорю: «ПАПА! ПОЛОЖИСЬ НА МЕНЯ!» Мужик за прилавком улыбался, чего-то там пошутил. Короче, поставили, слава богу, на Бразилию. Вот так. Представляешь! Я все эти четыре года думал, что Италия взяла кубок. И даже не пытался более детально вспомнить. Я как будто внушил себе.

– Да уж... Вот это да!

– Этим летом мы меньше заработали. Основную сумму ставили на 7 к 2. Но всё же сейчас можем лететь в Питер попытаться приобрести квартиру. Завтра папа едет в центр, чтобы билеты взять. Это капец. Целый день на это уйдёт. Скоро билеты в Интернете можно будет заказать, а пока приходится мучиться... У меня тоже завтра дела... поеду в...

Тут запись обрывается. Я не совсем помню, что ещё Женя сказал. Но хочу заметить другое: именно вот этот самый конец записи оказался чуть ли не самым важным! Впоследствии мы его слушали раз сто. Это один из «якорей». Но до этого ещё далеко.

В тот день мы больше не записывали. Женя заказал такси по телефону, поскольку автобусы уже не ходили. Мы посидели ещё минут пять на кухне, пока Таня мыла посуду, и он ушёл.

– Ты слышала? – спросил я Таню.

Она ухмыльнулась.

– Да. Я почти всё время на табуретке возле двери просидела.

– И что думаешь?

Я, если честно, хотел услышать, как она вообще теоретически объяснит такое явление, но Таня была практиком.

– Надо было узнать у него, что будет с МММ! – сразу сказала она. – Муж сестры вот-вот повесится. Может, позволишь и узнаешь у него? Это важно. И ещё, может, узнай у

него результаты лотерей... там... всяких. «Спортлото». Может, он помнит что-то.

Я полночи не мог заснуть. Это была просто фантастика. Я понимал, что всё это нельзя так оставлять. Надо было что-то делать. У меня в голове крутилась одна мысль: «Идти к учёным». Но кто эти самые «учёные», где их искать, и захотят ли они исследовать Женю, было непонятно. К тому же он сам был против.

Чем больше я думал об услышанной истории, тем больше вопросов у меня возникало. Я их начал записывать, и у меня скопилось два листа вопросов. Очень хотелось договориться ещё об одном интервью.

В среду утром меня разбудила Инна и сказала, что «какой-то мальчик» просит меня к телефону. Я, конечно, думал, что это Женя, но – сюрприз! – мне звонил Отабек. Я не сразу понял, кто это, поскольку, как уже говорил, не запомнил его имя с нашего знакомства. Отабек сказал, что хорошо бы встретиться, чтобы как-то начать работать. Он также спросил у меня, прочитал ли я книгу. Я ответил, что ещё нет. Если сказать честно, то даже не открывал. Как-то руки не дошли. Я так и не понял, кто этот Отабек и как он был связан с Андреем и Женей. Ему лет пятнадцать, наверное, было. Говорил он очень уверенно. Быстро.

– А HTML-документы вам удалось посмотреть? – спросил Отабек.

– Нет, не было времени, – сказал я.

Мне было ужасно неприятно. Даже стыдно.

– Ну, тогда вряд ли мы успеем что-то спланировать до отъезда Доси, – сказал он. – Позвоните мне, пожалуйста, когда вы пройдётесь по книге. Можете записать мой номер?

Я записал номер и пообещал скоро с ним связаться.

В четверг утром я набрал Женю, чтобы узнать, как дела, и, возможно, пригласить его к нам опять. Ответил Андрей. Он очень обрадовался, что я позвонил. Сказал, что Женя в школе. Я и забыл, что он ещё ходит в школу. Андрей спросил, есть ли возможность поставить у меня один комп и два чемодана. Я сказал, что можно.

– А что случилось? – спросил я.

– Мы решили не снимать ту квартиру. Передумали. Мы сейчас летим в Россию. Не хочется платить просто так, пока нас нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.